

Алиша Мати
Доброхот

сказочные истории

Алиша Шати

Доброхот. Сказочные истории

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57487931

ISBN 9785005138880

Аннотация

Кто такой Доброхот? Почему Баба-яга переехала в дом для хорошего настроения? Может ли медведь развеселить принцессу? Как стать великим музыкантом, и когда наступает возраст счастья? Сказочные истории «Доброхота» ответят на все эти и многие другие занятные вопросы и непременно порадуют детей и взрослых.

Содержание

ТАНЦУЮЩАЯ ЗВЕЗДА ДЖИОВАННИ	5
КАК МАЛЕНЬКИЙ БАТАР ВСТРЕТИЛ	14
ДОБРОГО ЛАМУ	
КАК БАБА ЯГА ДОМ ДЛЯ ХОРОШЕГО	21
НАСТРОЕНИЯ ИСКАЛА	
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Доброхот

Сказочные истории

Алиша Шати

© Алиша Шати, 2020

ISBN 978-5-0051-3888-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ТАНЦУЮЩАЯ ЗВЕЗДА ДЖИОВАННИ

Джиованни никогда не дрался с соседскими мальчишками. Даже если они сами лезли в драку или смеялись над ним. Бывало и такое. Частенько какой-нибудь вихрастый задир, пробегая мимо Джиованни, который чинил свой вышедший из строя велосипед, кричал ему, заливисто смеясь: «Ну что, Джиованни, ты снова взялся совершенствовать свою тангитайку? Наверное опять летал во сне! С неба звездочку прихватил? Смотри как бы чего не вышло!» И убежал дальше, оставляя Джиованни за его занятием, да размышлениями над этими замечаниями. А ведь они не были лишены смысла.

Так случилось, что всё, за что бы ни взялся Джиованни, так или иначе, превращалось в произведения искусства. И не было в селе ни одного такого же велосипеда, столика, подставки для светильника и даже табуретки, как у Джиованни. Очень хорошо ему удавалось облагораживать старые вещи. Они, словно новую жизнь обретали у него в руках. Например, барабан от сломанной стиральной машины он вычистил, прокалил в печи, добавил узоров по периметру его колеса и приспособил для летней кухни в саду. Поставил его по центру, наподобие очага, чтобы внутри можно было

жаровню сделать, а вокруг этой печи смастерил стол, вровень с высотой самого бывшего барабана, и получилось такое удобное в хозяйстве волшебство – два в одном. Очень тепло и уютно было усесться у этого стола и, согреваясь, особенно вечерами, ждать за чашечкой чая или кофе, когда подойдёт готовящееся блюдо. А если кто из друзей заходил в гости – и того лучше. Поначалу Джиованни занимался улучшением предметов быта от скуки, а потом вдруг понял, что у него золотые руки, которые нужно использовать для дела. А произошло это после одного интересного события.

Вообще у Джиованни почти не было друзей среди мальчишек, зато было много друзей среди звёзд. Началось это так. С детства Джиованни увлекался изучением ночного неба. С отцом они смотрели в большущий бинокль на завораживающие сознание маленького мальчика созвездия, планеты и пролетавшие иногда по небосводу кометы, чьи длинные яркие хвосты из газа и звездной пыли рассеивали свой свет по кусочку сине-черного неба, словно лучик небольшого фонарика, освещая пространство рядом с центральной точкой – небесным телом. И Джиованни казалось, что этот свет занимает какие-нибудь пару сантиметров на небе, но отец говорил, что он может распространяться аж на двадцать миллионов километров. И Джиованни казалось, что комета стоит на небосводе в одной точке и никуда не двигается, но отец говорил, что её небесное тело летит. Со скоростью в несколько десятков километров в час. Как может двигаться по земле

небольшой автомобиль. И Джиованни зачарованно, что так свойственно юным романтичным натурам, восхищался волшебством космоса и всего мироздания, которое, как ему казалось в эти мгновения, создано великим искусным мастером, чьи таланты ни с чем не сравнимы и не подлежат никакому сомнению.

И вот однажды, мальчик-подросток, Джиованни, как обычно, любовался ночным небом, когда рассмотрел в телескоп быстро летящую маленькую, но яркую звездочку. Он стал наблюдать за её движением, и поначалу ему показалось, что она двигается хаотично, Джиованни даже удивился, ведь звезды не летают, как бабочки – подумалось ему. Тогда он присмотрелся повнимательнее и ему показалось, что своим танцем звездочка выводит на небе, точно на бумажном листе, закорючки и петельки. Тогда он присмотрелся еще внимательнее и смог сосредоточить свой взгляд на той полосе света, которую она оставляет, благодаря своему полёту, и закорючки с петельками вдруг на глазах мальчика превратились в слова. «Джиованни» – прочитал Джиованни на небосводе своё имя. «Не может быть!» – не поверил он своим глазам, оторвав взгляд от телескопа. Когда же он снова посмотрел в телескоп, той звездочки уже не увидел, но на месте её танца всё еще можно было рассмотреть еле заметный светящийся след, звучавший теперь у него в ушах настоящим словом.

«Выдумщик ты, Джиованни Бертолинни», – сказали его

знакомые, когда он попробовал им рассказать про танцующую звездочку. Джиованни только плечами пожал тогда, да улыбнулся, что тут скажешь, ведь никаких доказательств он никому предоставить не мог. А после ему и самому стало казаться, что тот танец почудился ему, и лишь необъяснимое ощущение волшебства и невероятного душевного подъема сохранилось в памяти молодого человека и с тех пор помогало ему во всех делах.

Но вот как-то снова, любуясь звездным небом, Джиованни увидел ту самую, хаотично, на первый взгляд, двигающуюся звёздочку. Он пригляделся. Теперь она плясала рядом с большим и ярким Юпитером, а после подлетела к созвездию Голубя, остановилась у него на некоторое время и поплыла по небосводу дальше. Джиованни обрадовался звездочке, как старой знакомой, даже рукой ей помахал, не думая о том, как далеко она от него может быть. И ему показалось, что звездочка подмигнула ему, моргнув своим светом. И на душе у Джиованни стало от этого так тепло, будто он в стужу к огню подошёл.

На следующее утро, когда Джиованни завтракал у себя на веранде, к нему подлетела голубка и, усевшись прямо на стол напротив его тарелки, мило заворковала на своем языке. Джиованни изумлённо откинулся на спинку стула, еле сдерживая улыбку. Сцена эта походила на ту, что бывает, если женщина подбегает к своему мужчине, когда тот занят делом, и начинает с порога тараторить ему, не давая опом-

ниться, потому что произошло что-то очень для неё важное, и это не терпит никаких отлагательств. Голубка, как будто почувствовав замешательство своего слушателя, перестала ворковать и теперь, склонив хорошенькую головку набок, во все глаза наблюдала за Джиованни. В этот момент тот заметил, что перед нею лежит крохотный свёрток – послание, которое она, очевидно, принесла в клюве и успела положить перед собой. Вспомнив о танцующей звезде, что задержалась на мгновение у созвездия Голубя, Джиованни еще более удивился и открыл свёрток, прочтя следующее:

«Дорогой сеньор Джиованни, прошу вас, пожалуйста, починить мой велосипед. С глубоким почтением, сеньорина Бертолуччи».

Придя в еще большее замешательство от прочтенного, Джиованни огляделся. Но кроме голубки, продолжавшей спокойно ворковать у него на столе, никого не обнаружил. Затем он подождал несколько минут, но никто так и не появился. Тогда Джиованни покормил голубку и решив, что она ждёт от него ответного послания, написал на обратной стороне свёртка:

«С удовольствием помогу вам. С уважением, сеньор Бертолинни».

Голубка, которая только этого и ждала, сама взяла послание и тотчас улетела, прочирикав что-то наподобие благодарности, как смог интерпретировать её звуки Джиованни. В каком-то внутреннем коктейле из оцепенения и предвку-

шения нового знакомства Джиованни смотрел ей вслед, задумчиво перебирая в памяти, кто бы это мог быть, и не находя среди своих знакомых и даже знакомых своих знакомых никого по фамилии Бертолуччи.

Через несколько дней в двери его дома скромно постучали. Джиованни как раз копался в гараже, подыскивая детали для своей обновлённой шхуны, как он называл свою раритетную лодку, подаренную ему еще дедом. На пороге стояла фигуристая девушка, на плече которой, как попугай у пирата, восседала уже знакомая Джиованни голубка. Джиованни рассмеялся от неожиданности. Девушка, засмутившись, протянула ему руку:

«Изабелла Бертолуччи». – представилась она.

«Очень приятно. Джиованни Бертолинни». – пожал её руку Джиованни, улыбаясь.

«Прошу меня простить за столь странное и неожиданное изъявление моей просьбы, – всё ещё смущаясь, девушка одним взглядом указала на голубку, так и сидевшую у неё на плече, – я только осваиваю взаимодействие с ними. Мой дедушка всегда любил этих птиц, и они здорово ладили».

Только теперь Джиованни обратил внимание на то, что обеими руками девушка придерживала старенький, но очень красивый добротный велосипед на двоих. Вероятно, на нём она и приехала. Он выглядел вполне крепким. Видно было, что за техникой ухаживали и берегли.

«О, он достался мне от бабушки, – продолжила Изабелла,

видя, что Джиованни перевёл своё внимание на её железного коня, – ему уже много лет, поэтому мне и нужно ваше участие».

«И еще мне рекомендовали вас как необыкновенного мастера, который любит своё дело и к каждому творению подходит с душой. Этот велосипед дедушка подарил моей бабушке в день их свадьбы. На нём они совершали свои первые прогулки. Мне кажется, старые вещи содержат множество добрых воспоминаний, а мне хотелось бы их сохранить.» – добавила она, осторожно поглядывая за реакцией Джиованни.

Теперь Джиованни чувствовал себя слегка смущенным. К нему никогда не обращались с такими просьбами. Обычно это он был тем, кто хотел сохранить добрый заряд жизненной силы своих изделий, вдыхал в них творчество и свежие краски.

Следующие несколько дней Джиованни и Изабелла провели за совершенствованием велосипеда, про который они, шутя, говорили: «велосипед, который хранит семейные ценности». Изабелла помогала Джиованни всем, чем умела и, конечно, подсказывала идеи для декора, которые мастер тут же воплощал. Днём они возились в мастерской, а когда темнело, смотрели на звезды. Джиованни рассказывал Изабелле про созвездия, планеты и пролетавшие иногда по небосводу кометы, чьи длинные яркие хвосты из газа и звездной пыли рассеивали свой свет по кусочку сине-чер-

ного неба, словно лучик небольшого фонарика, освещая пространство рядом с центральной точкой – небесным телом.

В тот день, когда всё было готово, и велосипед, как новенький, ждал свою хозяйку, для того чтобы отправиться на свою первую в этом виде прогулку, Изабелла вдруг призналась:

«Кажется, я еще никогда так хорошо не отдыхала!»

«Но мы же всё это время работали...» – улыбнулся Джиованни, который на самом деле испытывал похожие чувства.

«Значит, я еще никогда не работала с таким удовольствием,» – улыбнулась в ответ Изабелла.

«Оставайся, пожалуйста! – произнёс Джиованни. – Мне всегда хотелось иметь такого друга».

«Как я?» – переспросила Изабелла.

«Как ты». – подтвердил Джиованни.

В скором времени они сыграли свадьбу, а во время медового месяца, любуясь звездным небом в одну из ночей, Джиованни снова рассмотрел в телескоп танцующую звезду, теперь её видел еще кто-то, кроме него. И это была Изабелла. А присмотревшись, они поняли, что её хаотичный танец петьельками и закорючками выводит и оставляет на небосводе два имени: «Джиованни и Изабелла», что означало «добрый бог и божественная доброта».

Возможно таким образом звёзды предрекали, что божественный дар придавать сияние разным вещам, благодаря

мастерству Джиованни, еще долго прослужит тем, кто пожелает почувствовать его и украсить свой быт настоящими произведениями искусства.

Так и произошло. Джиованни прославился во всей провинции как искусный, умеющий вдохновлять бытие людей мастер, а Изабелла умело дополняла его, подбирая для их творений подходящий декор и не иначе как волшебным образом позволяла добрым воспоминаниям, которые содержат все без исключения предметы и события, сохраняться в них, снова радуя хозяев.

Велосипед же на двоих под именем «который хранил семейные ценности» многие годы исправно служил семье Бертолинни-Бертоллуччи, поскрипывая от удовольствия при езде по проселочной местности, где в ясную погоду ночами на небе россыпью появлялись звезды, и непременно каждый мог встретить свою танцующую звезду и даже рассмотреть её невооруженным глазом.

КАК МАЛЕНЬКИЙ БАТАР ВСТРЕТИЛ ДОБРОГО ЛАМУ

Батара отдали в монастырь, когда ему исполнилось четыре года. Он родился в Монголии в доброй семье у любящих родителей, но семья эта была так бедна, что мать и отец его едва ли могли прокормить самих себя. Отец с первыми лучами солнца уходил на пастбище, забирая всех подросших ребятешек, которые могли работать, а мать с ребенком у груди садилась у входа в свою юрту и, нежась на солнышке, выдавливала из маленькой, несмотря на наличие еще детей, груди молоко ему в ротик. Батар ловил скудные белёсо-жёлтые капли, а пролетающие над их головами птицы отчаянно кричали, и матери Батара казалось, что они кричат, разделяя и понимая её страдание, сокрушаясь о том, как тяжело ей кормить ребёнка. Ведь каждой птице, выхаживая собственных птенцов, вкладывая еду в их раскрытые, зовущие ротки, приходится очень постараться, чтобы те не погибли от голода в первые же дни жизни.

Мать смотрела на Батара и думала, удастся ли тому выжить. Она заглядывала ему в глаза, словно ища там ответ на свой немой вопрос и одновременно куда-то в своё сердце, ища там благословения малышу и сил себе, прося у судьбы милости к их семейству и маленькому, только начинающе-

му жить, человеку. В это время человек очень внимательно смотрел в её грустные глаза, будто всё-всё понимая, но в ответ лишь улыбался во весь свой беззубый рот и, крепко сжимая пальчиками пряди материнских волос, как нарочно спадающие прямо к нему в ручки, подёргивал их, не давая ей унести далеко за своими печальными думами.

Они могли бы заколоть своих барашков, чтобы прокормиться, но это было бы неблагоприятно и недальновидно. Тогда к холодам у них не осталось бы шкур, которые они могли выгодно продать, и шерсти, из которой они могли бы свалить тёплую обувь, рукавицы и фуфайки, а холод может стать ещё страшнее голода.

«Ты мало молилась защитникам, когда носила его, сестра, – сказала матери Батара, старшая из женщин в семействе, – теперь уж не опростоволошься, проси Бодхисаттву сострадания помочь вам».

И мать Батара начала усердно молиться. В жилище у них был алтарь, каждый день на него ставились подношения, каждый день зажигали на нём огонь. Но полностью оставить все домашние заботы и посвятить время молитве за алтарём женщина не могла. Не имела возможности – ведь кому-то нужно было вести хозяйство, да и не имела права она оставить свою семью, ради только молитвы об этом одном ребёнке. Поэтому мать читала молитву Бодхисаттве сострадания каждую свободную минуту везде, где бы ни находилась. Кормила ли она в это время малыша, ходила ли к реке за водой,

готовила ли пищу, уста её повторяли молитву, а в сознании всё больше крепла вера в то, что всё будет хорошо. Иногда, молясь, она вспоминала, как будучи беременной этим ребёнком, просила небо послать им мальчика, крепкого, сильного, смелого, еще одного помощника отцу (ведь среди старших было больше девочек) и того, кому можно будет передать ведение родового хозяйства, когда сами мать с отцом станут уже немощными. Так и произошло – родился мальчик, только вот как надеяться на поддержку и опору в старости, когда у тебя такой немощный ребёнок? Жизнь в степи и так нелегка, а нездоровому ребёнку она станет и вовсе не под силу. Нездоровый ребёнок и себя погубит, и всю свою семью – так издавна говорил этот народ. Здесь смотрели на возможности ребенка, полученные им от рождения. Слабый физически имел очень мало шансов на счастливую жизнь в дальнейшем и грозил стать обузой всему роду, поэтому детей испытывали – по достижении полуторамесячного возраста голенького малыша несли к реке и опускали в холодную воду, он не должен был синеть, не должен был заболеть горячкой и не должен был овялиться так, чтобы уж ни на что кроме, как на кабачок и не походить. Наоборот, тело его должно было очень скоро после этой процедуры приобрести нужный здоровый цвет, члены стать упругими, а общая активность увеличиться.

Батара с трудом выходили после купания в реке. Соседи на мать смотрели косо. Немногие соглашались с ней в её ме-

тодах. В основном говорили, что она нюни развела и зря цацкается с ним – только собственную жизнь расходует понапрасну.

Но мать Батара их не слушала и знай себе молилась и делала своё дело. «Ребёнок-то не их, а мой, – думала она, – каждому про чужого ребёнка легко давать советы, каждому с его пенька виднее жизнь другого. Ну предположим, правы они будут, и что с того? Ежели они будут правы, и у меня не получится вырастить здорового ребёнка, всё равно ведь будут, как стервятники со своей правотой над падалью кружиться...» Муж её очень поддерживал, ночами покрепче прижимал их с маленьким Батаром к себе, хоть и сам приходил с работы уставший, а ей на ухо шептал: «А я верю, что всё будет у нашего мальчика хорошо».

Так, когда Батару только-только перевалило за полтора года, пришли к ним в деревню два монаха. Монахи заходили в каждый дом, благословляли живущих в деревне, кому советом помогали, кому – молитвой, рассказывали, какой хурал когда в монастыре будет, приглашали в монастырь на праздники. Жители деревни справлялись о здоровье пожилых лам, угощали монахов кто похлёбкой, кто – лепёшкой, кто чем мог в общем, благодарили за благословения. В каждом доме монахи к детишкам присматривались, кого на ручки брали, к кому лбом прислонялись, кого – сладостями угощали. И вот дошли до дома, где Батар с родителями и сестрами жил. Только вошли они, а Батар как побежит

к одному из монахов, тому, что помоложе был, как за ноги обхватит его, головой в колени уткнулся, обнял так его значит – сколько росту хватило. У монаха что-то в груди ёкнуло, но он виду не подал, от ног своих оторвал его, на руки поднял, ну говорит, как тебя зовут, рассказывай. А Батар возьми и скажи ему, что он не Батар, а Джучи, по-монгольски значит – сын Чингисхана. Засмеялся тот монах, что постарше был: «Уж больно хил ты, чтобы ханом быть». А Батар как заулыбается, как примется по комнате, что всё их семейное жилище и составляла, танцевать, к алтарю подошёл, все картинки оттуда собрал, монахам отдал, на картинки ручками показывает и лепечет: «Вот Батар, вот Джучи...»

С тех пор молодой монах стал часто появляться в доме, где этот мальчик жил. Семье помогали едой, молитвой и воспитанием детишек. Да и природа к этому времени смиловилась над людьми, и послала более урожайные годы. А может быть, это молитва монахов так действовала? А когда четыре года Батару исполнилось, приняли решение забрать его в монастырь для дальнейшего обучения. Так и сказал молодой монах матери Батара: «Ты, сестра, своей молитвой нашего ламу спасла, в сыне твоём мы видим перерождение своего любимого учителя, который перед своим уходом написал несколько писем – шифровок, где его искать. Пока мы их читали, да разбирали, да устанавливали связи, прошло время, родился твой сын. Возможно, учитель очень торопился оставить нам указания, и потому сын твой родился с небольшим

запасом сил и голодным. Но небо, к нашему счастью, послало ему такую смелую мать, которая не побоялась, несмотря на людскую молву, сложившиеся в народе приметы и недобрые, на первый взгляд, предзнаменования, растить этого ребенка, отдавая ему всё самое лучшее, на что способны любящие родители».

Так начиналась жизнь Батара в монастыре. Ему дали имя Данзан Нямбу, что значит Держатель учения равный небу. Не сразу, конечно, маленький Батар стал учёным монахом. Поначалу он часто засыпал во время медитаций и лекций, чихал, зевал и иногда даже вдруг вскакивал со своей подушки для медитации и бежал к учителю, молодому монаху, который сидел обычно в медитативной позе напротив Батара. В этот момент Батар, распластав свои руки, со всей чистой детской любовью, на которую только способен ребёнок, бросался на грудь учителю и крепко-крепко его обнимал, прижимаясь к нему всем телом, как будто и впрямь хотел слиться с ним полностью, всецело. Учителю приходилось вставать, возвращать маленького Батара на место, складывать его ручки и ножки в правильную позу и заново рассказывать ту сутру, которую он до этого читал. Но в глубине души учитель был очень доволен и знал, что мальчик так себя ведёт, просто потому что сердце его свободно и открыто для выражения той огромной любви, которую может ощущать каждый человек, и которой с самого рождения его питала заботливая мать.

Со временем Данзан Нямбу выучился, достиг многих реализаций и посвятил свою жизнь тому, чтобы помогать людям развивать их таланты, умения и способности. И в этом ему помогали не только знания, но и доброе, отзывчивое, сильное и любящее сердце.

КАК БАБА ЯГА ДОМ ДЛЯ ХОРОШЕГО НАСТРОЕНИЯ ИСКАЛА

Всем известно, что у Бабы Яги два дома. Один – для плохого настроения, другой – для хорошего. В дом для плохого настроения Баба Яга огорченная прилетает. Ступу при входе бросает, метлу к собачьей конуре отшвыривает и раздосадованная через порог перешагивает. Там она шумит обычно. Так шумит, что домовые туда носа не показывают, да и какие в лесу у Бабы Яги домовые могут быть, когда в доме для плохого настроения у неё даже и не готовится ничего? А домовые покушать любят, любят, когда всё спорится, чистоту и порядок хозяевам поддерживать помогают.

В доме для плохого настроения Баба Яга – плохая хозяйка, плохая баба яга и даже плохая ведьма. Там она – расстроенная женщина, в своей жизни абсолютно, полностью и неотвратно разочарованная. На голове у неё клок нечесаных волос в доме для плохого настроения колтуном встаёт, грязный платок она в печь бросает от душевного надрыва, кот Баюн в этот момент в пустую кастрюлю, бывшую супницу, прячется, крышкой накрывается, как медным тазом и изредка оттуда выглядывает, чтобы быть в курсе, когда ветер перемен подует, и можно будет хвостиком махнуть, чтобы, после то-

го как вековая пыль со стола слетит, Баба Яга бы очнулась, по избе бы забегала, в окошко бы выглянула – какое время года теперь узнать, и в дом для хорошего настроения пироги да пряники, да кашу, да щи, да другие аппетитные блюда готовить отправилась бы. Там свите Бабы Яги привольно живётся, сытно и тепло. Там Баба Яга надевает лучшие свои наряды, волосы у неё сами собой в модную причёску укладываются, все деревья вокруг того дома – в цвету. А Баба Яга там улыбочивая и приветливая, то и дело всех потчует, обо всех заботится, пылинки с каждого сдувает – лишь бы довольны гости были. В общем, все любят дом для хорошего настроения.

Так вот, было дело – засиделась что-то Баба Яга в доме для плохого настроения. Так засиделась, что уж и ветер перемен чуть ушами не прохлопала. Кот Баюн из супницы выбрался, совсем ему прятаться надоело, сидит посреди стола, морду лапой закрывает, потому что, чтобы чудачества Бабы Яги в доме для плохого настроения выдержать, нужно хорошую закалку иметь – как минимум знать, где супницы хранятся в этом доме, чтобы успеть с головой в них спрятаться. Думал-думал кот, что делать и решил бежать к Лешему за подмогой. Собака перед конурой сидела, только головой покачала и хвостом на всякий случай повиляла, чтобы показать, что кошачье решение она одобряет – заодно они, хоть и кошка с собакой.

Прибежал кот к Лешему, рассказал ему, что если Бабу Ягу

из дома для плохого настроения не выманить, вся её свита по миру пойдёт. Леший удивился, конечно, что кот к нему обратился, а не к Кощею, но отказать не мог. Как-никак Баба Яга – такое же сказочное создание, как и сам он, тоже иногда в ласке и внимании нуждается, и хоть были у него другие дела, Лешёнка отправлять к разгневанной женщине он побоялся, маленький тот еще, а Кикимора с Водяным вот-вот из отпуска на соседнем болоте вернуться должны были... В общем, нечего было делать Лешему – нужно было самому с Ягой переговоры вести. Только как?

Идут они с котом лесом, обсуждают, как действовать, чтобы масла в огонь случайно не подлить. А кот так уже устал от голодной жизни в доме для плохого настроения, что ему лишь бы побыстрее всё уладить, ну и методы он лишь кошачьи знает и мурлычет по-своему Лешему: Ты, Леший, поцелуй её или лизни, в крайнем случае за ушком почеси!

У Лешего от этого предложения даже веточки на голове зашевелились. Он глаза большими сделал, на лоб перевёл – думает значит. «Может, ей букет подарить? – пробасил наконец Леший. – Молодые-то здоровые деревца-кустики рвать нельзя в лесу, а сухостой – пожалуйста! Как думаешь, Кот?»

Кот представил себе такую картину: открывает Баба Яга дверь дома для плохого настроения, а на пороге Леший – в каждой руке по букету из сухих палок и улыбка такая добрая-добрая.. У кота даже шерсть сама собой дыбом встала и мурашки по спине побежали. Он головой кивнул, но вслух

промурчал: Давай, Леший, еще подумаем.

«Может, ей крышу озеленить? Я деревца туда молоденькие пушу, будет на крыше у неё оранжерея или фруктовый сад – еще лучше!»

Кот представил, как Баба Яга выходит Лешего встречать, смотрит – а он стоит и над её крышей колдует по-своему, и снова мяукает ему: «Неа, не поймёт!»

Леший снова задумался, как женщину огорченную согреть, как Бабу Ягу приголубить, чтобы она в доме для плохого настроения не засиживалась? «Может, я ей платье из листочков сделаю, посмотри-ка, Кот, как тебе одёжа такая?» – Леший зашуршал своими листочками, любовно их пригладил на себе, расправил, каждый на нужное место положил. «Красивая у тебя одежда, Леший! Главное, чтобы Баба Яга твои намерения правильно истолковала..!»

«Трудно тебе угодить, Кот! Авось, Бабе Яге легче будет». – подумал Леший. Так за этой беседой о том, как Ягу порадовать, дошли они до её дома для плохого настроения. Пёс Бабы Яги Лешего увидел, хвостом завилял, выбежал, ужом извивается, как собаки умеют делать от радости, уши прижал к голове, сел и когда Леший его своей ладошкой по макушке погладил, довольно так «Уууф» сказал по-собачьи, что значило «Приветствую Тебя, Леший, хорошо, что пришёл, давно не виделись, я так рад, так рад!»

Баба Яга в окно гостей увидела, удивилась, что к ней в дом для плохого настроения кто-то вообще пришёл, подо-

шла к входной двери и ждёт, что будет, в замочную скважину подглядывает, но дверь открывать не спешит. На всякий случай колтун на голове поправила и сажей щёки побольше вымазала, чтобы пострашнее выглядеть – соответственно порядкам, заведенным в доме для плохого настроения. Леший же, который всегда в своём лесу вежлив и с каждым встречным приветлив, в дверь постучал и тоже ждёт, когда хозяйка ему откроет. Кот рядом стоит и тоже ждёт, на всякий случай за Лешеву спину спрятался и оттуда выглядывает, двумя передними лапами за Лешеву штанину держится, как сынишка маленький. Только усы торчат.

Тут Леший не выдержал, сам дверь отворил, она ведь не заперта у Бабы Яги была, а как лучше Бабу Ягу уговорить перебраться в дом для хорошего настроения он так и не придумал, поэтому предстала перед Бабой Ягой такая картина: Леший с букетиками сухостоя в одной руке, гербарием из листочков и еловых шишек вперемешку с сосновыми – в другой, позади него всё зеленеет, цветёт и источает сладчайшие запахи, потому что Леший, ежели о чём добром думает, по лесу идя, всё тотчас жизненными соками наливается, над его головой птички выются, трели свои распевают, и улыбка у него – во всё лицо! Только усы кошачьи, торчащие из-за толстых лешевых ног, выдают затейника всей этой истории.

Баба Яга, прямо скажем, оторопела от такого неожиданного появления лесного хозяина у неё в гостях, да еще не где-нибудь, а в доме для плохого настроения! Она стоит, на Ле-

шего смотрит, глазами хлопает, рот раскрыла, того и гляди вороны залетят. Леший заметил это, скоренько для ворон на деревьях, подальше от дома гнёзда соорудил, чтобы они в поисках жилья для себя в рот к удивлённым женщинам не заглядывали. Вороны обрадовались и по новым гнёздам разлетелись. А Баба Яга всё стоит, на Лешего во все глаза смотрит – никто ей таких знаков внимания в целом мире не оказывал, даже Кузька, домовёнок, который у неё одно время жил. Прямо оцепенела она от восторга.

Тогда Леший, чтобы времени не терять, руку свою на крышу её дома положил, там цветочки распустились сразу же, деревца молодые выросли, а старые кровельные перекрытия побеги дали. Баба Яга только снова удивиться засобиралась, тут Леший не выдержал, вспомнил кошачьи подмурлыкивания и говорит: «А ну Баба Яга, приходи в себя да перебирайся скорее в дом для хорошего настроения, не то... Не то поцелую! Вот!»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.